

И. А. Аносова

Вопросы общественной справедливости в наследии Л. Н. Толстого и У. Л. Гаррисона

Отличительной чертой философского наследия Л. Н. Толстого была глубокая связь с мировой культурой и философией. Это касается и американской философской и общественной мысли: Толстой называл Америку «самой сочувственной» ему страной. Одним из наиболее близких идейно Толстому авторов был У. Л. Гаррисон, известный аболиционист, общественный деятель XIX в., автор «Декларации чувств», переведенной Толстым на русский язык и цитируемой в его философских произведениях. Русского и американского мыслителей сближает непротivление злу насилием, пацифизм, нонконформизм, активный протест против социального неравенства, проповедь христианских принципов жизни.

Ключевые слова: непротivление, ненасилие, пацифизм, нонконформизм, аболиционизм, права человека

Irina A. Anosova

Issues of social justice in the legacy of L. N. Tolstoy and W. L. Garrison

A distinctive feature of the philosophical heritage of L. N. Tolstoy had a deep connection with the world culture and philosophy. This is especially true concerning American philosophy and social thought: in this regard, Tolstoy called America «the most sympathetic» to him country. One of the closest to Tolstoy authors was W. L. Garrison, the famous American abolitionist, social activist of the 19th century, the author of the «Declaration of sentiments», translated by Tolstoy to Russian language and quoted in his philosophical works. Russian and American thinkers were united by non-resistance, pacifism, non-conformism, active protest against social inequality, the preaching of Christian principles of life.

Keywords: non-resistance, non-violence, pacifism, non-conformism, abolitionism, human rights

Отличительной чертой философского наследия Л. Н. Толстого была глубокая связь с мировой культурой и философией. Это особенно касается американской философской и общественной мысли: именно в связи с этим Толстой называл Америку «самой сочувственной» ему страной¹.

В начале XIX в. скандально известный граф Федор Иванович Толстой, совершая с И. Ф. Круженштерном первое русское кругосветное плавание и будучи высажен за свои одиозные выходки с корабля, провел некоторое время на Алеутских островах в Северной Америке, принадлежавших тогда России, а по возвращении на родину был прозван за то «американцем». В конце того же века его двоюродный племянник Л. Н. Толстой совершил иное, исполненное миссионерского смысла, духовное плавание к берегам Нового Света. Толстой был одним из первых, кто открыл не только России, но и миру молодую американскую культуру, выявил в ней те непреходящие ценности, которые большинством, в том числе и американским обществом, были осознаны много позднее (воистину, нет пророка в своем отечестве).

Идеи американских мыслителей – отцов-основателей США Б. Франклина и Т. Джефферсона, трансценденталистов Р. У. Эмерсона и Г. Д. Торо,

пасторов У. Э. Чаннинга и Э. Баллу, аболициониста У. Л. Гаррисона и др. – сразу вызвали горячий отклик Толстого. Многие из них были созвучны тем взглядам, которые сложились у него к середине 1880-х гг. Высказывания американских авторов Толстой начал активно включать в свои религиозно-философские работы. Это было время его активного философского творчества. Уже написаны «Исповедь» и «В чем моя вера», но одновременно со всей очевидностью обнаружилось, что взгляды Толстого на христианство, церковь, государство, его представление о сущности и смысле человеческой жизни не находят, за редким исключением, понимания среди его круга. Толстой, сносивший нападки русской интеллигенции, критику церкви и правительства, подвергавшийся цензуре, по сути оказался в духовном одиночестве, и узнать, что за океаном, в далекой ему Америке, есть люди, сходные во взгляде на проблемы человеческого существования и жизни общества, было для него крайне важно. «Как радостно видеть и знать, – писал он в письме к Хилкову, познакомившись с произведениями американского непротivленца Эдина Баллу, – что ты не один ни в пространстве, ни во времени, и что огонь, который Христос низвел на землю, загорается и захватывает все больше и больше людей» (64, 278).

С американскими философами Толстого роднила вера в возможность нравственным совершенствованием и ненасильственным гражданским протестом, непотворением достигнуть общественной справедливости, религиозный и гражданский нонконформизм, понимание ручного труда на лоне природы как моральной категории, протест против наступления, проповедь равенства и братства людей, христианской любви к человеку.

Известный французский ученый А. де Токвиль, посетивший США в начале 1830-х гг., писал в своей книге «Демократия в Америке»: «Я думаю, что во всем цивилизованном мире нет страны, где бы философии уделяли меньше внимания, чем в Соединенных Штатах. Американцы не имеют своей собственной философской школы и очень мало интересуются теми школами, представители которых соперничают друг с другом в Европе; они едва ли знают их названия и имена»². Быть может, посети он Америку одним-двумя десятилетиями позже, он отказался бы от своих слов... Духовное возрождение Новой Англии (самой культурной области в восточной части США) пришлось как раз на 1830–1860-е гг. и сопровождалось появлением новых направлений во всех областях американской духовной культуры – религии, философии, литературе, общественно-политической сфере. В религии на смену догматам пуританства пришли идеи унитаризма. В философии это выразилось в появлении таких направлений, как трансцендентализм. В общественной жизни этот период связан с пробуждением интереса к социальным проблемам, главной из которых было рабство, со становлением аболиционизма. Как писал историк американской философии В. Л. Паррингтон, «совесть Новой Англии не могла больше мириться с рабством. <...> Нигде еще кичливость рабовладельческой партии не вызывала такого глубокого возмущения. <...> Новоанглийские аболиционисты <...> представляли собой исключительно интересную категорию людей. Мужественные борцы, правдолюбцы и упорные спорщики, умевшие разить наповал и не дававшие запугать себя, они были гибки и тверды, как американский орешек, хикори. <...> это были люди большой души, отзывчивые, благожелательные и совершенно бескорыстные. <...> Участие в аболиционистском движении не сулило ни денег, ни славы, ни власти; уделом аболициониста было самопожертвование и положение отверженного обществом. <...> На защиту дела аболиционизма встали лишь лучшие из лучших»³. Характеристики, данные аболиционистам США В. Л. Паррингтоном, как нельзя лучше подходят для бескомпро-

миссной нравственной и гражданской позиции Толстого, которого называли совестью народа. Американский аболиционизм вызвал горячий интерес Толстого, активно поддерживался им.

По мнению В. Л. Паррингтона, «самым твердокаменным характером среди ветеранов новоанглийского аболиционизма» обладал Уильям Ллойд Гаррисон (1805–1879), основатель «Американского общества борьбы с рабством», секретарь «Общества непотворения» в Новой Англии, публицист и поэт. Именно его деятельность больше всего привлекала Толстого. Будучи редактором знаменитого в Америке XIX в. издания «Liberator» («Освободитель») и основателем журнала «Non-resistant» («Непотворенцам»), Гаррисон сделал их рупором своих взглядов. Он посвятил себя борьбе с «гидрой рабовладения». Борьба против рабства переросла у него со временем в борьбу против любого насилия и подавления человека человеком, он полагал, что любое насилие греховно, независимо от того, совершается оно государством или отдельным человеком. Будучи глубоко религиозным человеком, христианином, социальные идеалы которого во многом были связаны с унитаризмом, Гаррисон свою кипучую деятельность всецело направил на восстановление общественной справедливости, которая была для него законом жизни. «То, что несправедливо, не является законом», – писал он в 1830 г.⁴ Размышляя о мерах прекращения войны, Гаррисон пришел к заключению, что установление мира в обществе может быть основано только на признании христианской заповеди непотворения злу насилем. Здесь, очевидно, сказалось влияние на Гаррисона квакеров, чьи идеи были ему близки. «До тех пор, пока люди не пожелают взять на себя крест Спасителя и не предпочтут нести крестные муки мира сего, – государства, созданные человеком, будут по-прежнему влачить свое существование, отмененное насилем, – писал он. – Но в царстве Иисуса Христа, возлюбленного Сына Божьего, править будут единственно любовь и добродетель. В этом царстве нет мечей, ибо их переделают в серпы; нет военной академии, ибо праведникам не за чем учиться воевать; нет виселицы, ибо жизнь неприкосновенна; нет оков, ибо все свободны. И это царство неизбежно наступит на земле, ибо предсказано, что грядет час, когда царства мира сего станут царствами Господа нашего и сына Его Христа»⁵.

В своем очерке о Гаррисоне В. Л. Паррингтон дает такую характеристику его личности: «Аскет, которого не прельщала ни легкая жизнь, ни перспектива выдвинуться; пацифист, сражавшийся исключительно мечом духовным;

суровый моралист <...> он был проповедником, созданным по образу и подобию библейских пророков. <...> Он повседневно приобщался к праведности и внимал голосу совести. С весами Господа вышел он на торжище. Закон человеческий не являлся для него высшим авторитетом. Конституция и уложения, если они противоречили, на его взгляд, божественным установлениям, являлись для него пустым звуком. <...> Человеческая душа в белом или в чернокожем имела в его глазах большую ценность, чем все враждующие царства мира сего. <...> Его имя стало жупелом, его изображали в виде злоумышленника, подстрекающего к мятежам... Его праведность стала для самоуспокоенных людей такой помехой, что видные церковные догматики, которые были знакомы с праведностью только понаслышке и имели представление о Боге лишь с чужих слов, объявили Гаррисона безбожником. <...> Ни клевета, преследовавшая его изо дня в день, ни угрозы, ни запугивания, ни обвинения во всех смертных грехах и во всех преступлениях против десяти заповедей – ничто не могло запугать его и заставить свернуть с избранного им пути»⁶.

Если бы не знать, что слова эти – об Уильяме Ллойде Гаррисоне, то кажется, что они о Льве Толстом. Гаррисон был близок Толстому не только идейно, в теоретических положениях, но именно своим духом: искренним неравнодушием, неуспокоенностью, максималистским бунтом, ярким протестом против всякой несправедливости. При этом, как Гаррисон, так и Толстой признавали лишь ненасильственные способы протеста.

Толстой познакомился с идеями Гаррисона вскоре после опубликования на английском языке его трактата «В чем моя вера» – примерно в начале 1886 г. Сын Гаррисона, Уэнделл-Филипп Гаррисон, прочитав труд Толстого и найдя в нем мысли, сходные «с исповеданием его отца», обратился к Толстому с письмом и прислал ему составленную Гаррисоном-отцом «Декларацию чувств» («Declaration of sentiments», в переводе Толстого «Провозглашение»), где высказывались близкие толстовскому мировоззрению идеи о ненасилии. В ответ на просьбу Толстого, сыновья Гаррисона прислали ему также сначала краткую, а потом и подробную биографию их отца в четырех томах, составленную ими самими⁷.

Много позднее Толстой вспоминал, что, читая эту биографию, он испытывал «духовную радость». «Радость эта тогда была соединена с недоумением о том, каким образом эта великая евангельская истина, 50 лет тому назад разъясненная Гаррисоном, могла быть так за-

молчана, что мне пришлось, как что-то новое, высказывать ее» (36, 95). Эти слова Толстой написал в предисловии к краткой биографии Гаррисона, составленной единомышленником Толстого В. Г. Чертковым и англичанкой Ф. Хола, которое планировалось издать на английском и русском языках. В этом предисловии Толстой, давая краткую оценку заслуг Гаррисона, одновременно высказывает и **свои** мысли, созвучные американскому общественному деятелю. «Гаррисон, – пишет Толстой, – как человек, просвещенный светом христианства, начав с практической цели – борьбы с рабством, – очень скоро понял, что причина рабства не случайное, временное завладение южанами несколькими миллионами негров, но давнишнее и всеобщее, противное христианскому учению признание права насилия одних людей над другими. <...> И поняв это, Гаррисон выставил против рабства и страдания рабов не жестокость владельцев, не гражданскую равноправность людей, а вечный христианский закон непротivления злу насилем: non-resistance» (36, 96).

Знакомство с идеями Гаррисона, который «первый провозгласил этот принцип, как правило для устройства жизни», еще более укрепил уверенность Толстого в истинности своего учения. Ведь большинство окружавших его людей, даже «самые передовые люди нашего круга», считало, что опасно отрицать право насилия и стараться заменить его убеждением. Таких людей было большинство и в Америке.

«Декларацию чувств» Гаррисона (как и работы многих других американских авторов) Толстой сам перевел на русский язык и поместил, вместе со своими замечаниями, в два своих наиболее значительных философских труда – «Царствие Божие внутри вас» и «Круг чтения». Фактически, труд Гаррисона, наряду с произведением другого американского непротivленца – «Катехизиса непротivления» Эдина Баллу, – легли в основу фундаментального философского труда Толстого «Царствие Божие внутри вас». Данный труд относился к числу запрещенных произведений и в России напечатан быть не мог. Толстой вынужден был публиковать его за границей. Первой страной, куда он в марте 1893 г., еще до окончательного завершения работы, послал рукопись своей книги, были США. Возможно, Толстому хотелось, чтобы его труд первым прочел тот народ, кто так сочувственно и горячо откликнулся на его взгляды, та страна, что вдохновила его на этот труд. В мае 1894 г., ровно через год после окончательного завершения работы Толстого над книгой, Алин Делано, русская по происхождению американка, выполнившая перевод, сообщила Толстому, что книга в обоих

переводах уже продается в Соединенных Штатах Америки. В России же труд Толстого впервые увидел свет только через 12 лет – в 1906 г.

Толстого с Гаррисоном, кроме учения о непротивлении, сближало отношение к церкви, государству, правительству, взгляд на человека, на равенство всех людей перед Богом. В первом номере журнала «Liberator» Гаррисон писал: «Действуя в согласии с „очевидной истиной“, провозглашенной в американской Декларации независимости „Все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью“, я буду не покладая рук бороться за немедленное освобождение всех рабов в Америке...»⁸.

Гаррисон полагал, что право свободы, независимости человека от воли другого – это «дар, идущий от Бога и от природы». И никто – ни государство, ни закон не может лишить его этого права. Государство он считал «крестом, который по воле Господа должны нести люди в наказание за свои грехи». По его мнению, государства возникли из-за отступления людей от божественных установлений. Ссылаясь на Библию, он приходит к выводу, что «из умолчания Библии относительно предпочтительной формы государственного правления явствует вовсе не то, что любая форма правления может считаться богоданной, а то, что царство, установленное Христом на земле, в конце концов поглотит либо искоренит все прочие царства <...> Все рассуждения о лучшей форме правления не стоят выеденного яйца. Что такое государственный строй, как не точная копия морального облика народа?»⁹.

Насколько близким было социальное мировоззрение Гаррисона и Толстого, свидетельствует ниже приведенный отрывок из дневниковой записи Толстого 1907 г., который почти «зеркально» воспроизводит мысль Гаррисона: «Одно из самых пагубных заблуждений людей, желающих улучшить свою жизнь, состоит в том, чтобы думать, что возможно такое общественное расположение, распределение людей, при котором людям может быть лучше, чем при каком-нибудь ином: хроническая борьба партий, сословий, из которых устанавливается подобие порядка, все это – только самообманы, вносящие только новое зло тем, что отдаляют людей от единой нужной для лучшего устройства общества деятельности – от работы людей над самими собой» (56, 160).

Объявив войну государству, Гаррисон со страниц журнала «Liberator» призывал всех аболиционистов отделиться от аморального

государства, потакающего насилию над человеком и узаконивающего рабовладение. Такой же беспощадной критике подверг Гаррисон и официальную церковь.

Социальный протест, «противление злу ненасилием» роднит Гаррисона с Толстым. Их общественные взгляды можно назвать «философией духовного анархизма», ломающей привычные стереотипы восприятий, имеющей целью защитить человека и достичь общественной справедливости.

Философия непротивления, развивавшаяся в новоанглийских колониях США, была реакцией свободомыслящей части американского общества на освободительные войны и революции, полыхавшие в XIX в. в Европе, с одной стороны, с другой же – следствием бурно развивавшейся демократии, у истоков которой стояли американские просветители и провозглашенная ими Декларация независимости, делавшая упор именно на равенство людей перед Богом и законом, на социальную справедливость.

Свободомыслие американских непротивленцев не могло не привлечь Толстого, который остро переживал «ужасающие контрасты» российской действительности, начального периода развития капитализма, напряженно искал способа помочь ввергнутым в бездну страданий миллионам русских людей. Единственный верный способ разрешения социальных противоречий и Толстой, и американские непротивленцы видели в революции духа и в отказе от войны против своего и других народов, от насильственных действий.

Примечания

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т.: юбилейное изд. (1828–1928). Серия 3. Письма / под общ. ред. В. Г. Черткова; при участии ред. ком. в составе А. А. Толстой, А. Е. Грузинского, Н. Н. Гусева и др.; изд. осуществляется под наблюдением Гос. ред. комис. в составе А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1937. Т. 87: Письма к В. Г. Черткову, 1890–1896. С. 4. Далее в скобках ссылки на том и страницу этого издания.

² Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 319.

³ Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: в 2 т. М., 1962. Т. 2. С. 407–409.

⁴ Цит. по: Там же. С. 416.

⁵ Там же. С. 417.

⁶ Там же. С. 413–414.

⁷ См.: Life of William Lloyd Garrison, by his children. Vols. 1–4. New York, 1885–1889.

⁸ Цит. по: Паррингтон В. Л. Указ. соч. С. 412.

⁹ Цит. по: Там же. С. 412.